

М.В. Михайлова (Москва, Россия)

Рядовой участник великих событий (по материалам семейного архива)¹

Аннотация: В работе приводятся документы из семейного архива профессора Марии Викторовны Михайловой – воспоминания ее бабушки Ксении Павловны Пышкиной, директора библиотеки Свердловского района г. Москвы (ныне Чеховка), которые рассказывают о детских и юношеских годах в г. Тифлисе, и о эпохе 1920–1930-х гг. Выдержки, посвященные этому последнему этапу, и составили основу настоящей публикации. Интересны они, несомненно, тем, что воссоздают уникальную атмосферу этого времени, рассказывают о ярких людях, деятелях культуры, с которыми довелось встречаться автору воспоминаний. Но главное – передают чувство тревоги и мучительных переживаний, связанных с атмосферой подозрительности и репрессий, которые буквально преследовали многих людей, хотя одновременно дают понять, что даже в этой страшной жизни были свои радости. Так вырисовывается пестрая лента времени, запечатленная приметливым свидетелем.

Ключевые слова: малая история, воспоминания, семейный архив, репрессии 1930-х годов, круг чтения советских людей, С.Д. Меркуров, А.Ф. Пышкин, К.П. Пышкина, экспедиция Нобеля

M.V. Mikhailova (Moscow, Russia)

An Attendee of Great Events: Insights into the Family Archive

Abstract: The article shares papers from the family archive of Prof. Maria Mikhailova, namely memoirs of her grandmother Ksenia Pavlovna Pyshkina, former head of the library at the Sverdlovsk district in Moscow (now Chekhovka), who talks about her childhood and adolescence in Georgia's Tiflis, and offers a commentary on the period between the 1920–1930-ies. The extracts from the memoirs discussing this last stage are of special interest as they recreate the unique atmosphere of this time through real life stories about outstanding people Ksenia Pyshkina had known. Most importantly, these papers convey a sense of anxiety and pain associated with the atmosphere of suspicion and repression which literally haunted many people at that time. Meanwhile, the reader

¹ Документ хранится у меня, Михайловой Марии Викторовны. Опубликовано: Literarus. Литературное слово. Хельсинки, 2016. № 2, 3, 4; 2017. № 3, 4.

should understand that even such a terror-stricken life was full of joy. And these memoirs are a good illustration of this.

Key words: a petit histoire, memories, memoirs, family archive, repressions of the 1930s, Soviet people's read, S.D. Merkurov, A.F. Pyshkin, K.P. Pyshkina, Nobel's expedition

Ксения Павловна Пышкина (1897–1981), моя бабушка, оставила после себя незавершенные воспоминания, охватывающие период с начала по 1930-х гг. Воспоминания не предназначались для печати и были ориентированы в основном на членов семьи, до которых она хотела донести неповторимые особенности эпохи. Для меня, но и объективно, она была незаурядной женщиной: одной из первых получила автомобильные права, стала первой женщиной-мотористкой в экспедиции Севстроля в Нарьян-Маре в 1930-х гг., работала в типографии Политуправления Тихоокеанского флота корректором и выпускающим редактором газеты «На боевой вахте», была директором сначала обычной библиотеки Свердловского района Москвы, благодаря ей позже получившей имя А.П. Чехова. Ей удалось передать духовную атмосферу 1920–1930-х гг., особенности мироощущения людей этого времени, ужас переживаемых репрессий.

Ксения Павловна Пышкина
(село Оксино на Печоре)

Она обладала поразительной памятью и сумела запомнить не только лица, описать характеры встреченных людей (тут можно почти любого мемуариста подловить на субъективности и разгоревшемся воображении, хотя фигуры КР – Великого князя Константина Романова, адъютанта Великого князя Георгия Михайловича Ф.В. Эшаппара, писателя Н. Гарина-Михайловского и даже доживающего свой век в Грузии дальнего родственника Наполеона встают как живые), но и запечатлеть фактуру, мелочи быта, которые можно найти только в справочных изданиях. Свидетельством этому уже опубликованная мною первая часть воспоминаний, где приводятся названия конфет, марки табака, который курили ее близкие, названия фирм, выпускающих духи и кремы, разнообразие блюд и фруктов, продававшихся на улочках старого Тифлиса, а именно там прошло ее детство и юность. Ее память сохранила массу мельчайших бытовых подробностей об обычаях Старого Тифлиса – вплоть до привычек местных жителей, способов отмечать праздники, особенностей взаимоотношений в военной среде (между офицерами и денщиками), круга чтения интеллигентной семьи, одежды жителей.

Но не менее интересна и вторая, неоконченная часть воспоминаний, посвященная уже 1920-м и 1930-м гг. И даже временами доведенная до начала 1950-х гг. К сожалению, она лишена той последовательности, которой отличается повествование о детских и отроческих годах. И этому есть объяснение: в 1937 г. был репрессирован ее муж, Алексей Федорович Пышкин (1883–1938), крупный инженер-путеец, строитель дорог Джульфа-Бакинская, Черноморской железной дороги от Туапсе до Сухума и на Дальнем Востоке, где служил уже помощником командира корпуса

по технической части при командире Особого корпуса Железнодорожных войск РККА Яне Лацисе, покончившем собой при начале чисток на Дальнем Востоке (а не умершем от разрыва сердца, как написано в Википедии), применительно к которому использованы эпитеты «милый, добрый, деликатный». Алексей Федорович также находился в Наркомате тяжелой промышленности под началом С.К. Орджоникидзе, о смерти которого с определенностью в семье говорили как о самоубийстве, а не естественной кончине...

Арест мужа стал незаживающей раной, которая кровоточила и 50 лет спустя. Ретроспективно вырывалось: «Лучше бы никогда не встретились. По крайней мере, не теряла бы его!» Может быть, строки, посвященные мужу, – самые обжигающие в ее воспоминаниях. Лишенные какого-либо «художественного оформления», они говорят о том, чем наполнена была уже вроде бы устоявшаяся жизнь миллионов людей еще десятки лет после страшных годов. И даже в ее вроде бы нейтральные описания нет-нет да прорвется это состояние всеобщего ужаса, который овладевал людьми и почти вписался в их каждодневную жизнь. И вот спустя почти 45 лет она пишет: «Ужас, закравшийся в душу и почти убивший, никак не проходит окончательно. Потерять человека ужасно, но все сопряженное с этим наносит такой урон, что окончательного излечения так и не наступает. Это как бы вырезанная часть тела – так глубоко, что не может зарубцеваться. Так и я все перебираю в памяти, но обхожу не только жизнь совместную, но даже и образ его. Если разбираю бумаги и попадается фото, то я его скорее закрываю, это как будто раскаленный кусок металла, буквально чувствую ожог, толчок в сердце и голову, и я уже в состоянии шока. Никогда ни с кем не говорю о нем: ведь внуки не знали, не видели, а зачем беречь душу Тани?» (это ее дочь, моя мать).

Алексей Федорович Пышкин

Отсутствие многих документов она объясняет следующим образом: кроме одной книги о друге семьи, скульпторе С.Д. Меркурове, «у меня ничего не сохранилось. Да и мудрено было сохранить, когда кругом все рушилось в 37 году, и я боялась иметь даже снимки сейсмических участков в Сочи и Туапсе. Люди исчезали со скоростью метеоров. Тут и академики дрожали, никто ничего не понимал». «Людей сажали целыми семьями, мебель конфисковали, детей отбирали, а маленьким даже меняли фамилии, отдавая в детдом, присваивали другие фамилии. Жила я в квартире с завдетдомом, и она мне это рассказывала. А потом, значительно позже, ко мне как-то в библиотеку пришел читатель, так у него в паспорте была просто запись: родился в Ленинграде. И он мне заявил, что у него другая фамилия, но он рос в детдоме, и год рождения указан: “до войны за 3–4 года”». «Гибли миллионы – и извозчики, и генералы, академики и лакеи, доктора и попы. Все летело ко всем чертям. И с 1939 года я уже не видела счастья в обычном понимании. Только <...> война несколько сглаживала горе, т.к. (так в тексте???) кругом было столько бедствий и ужасов, что просто отупели все от страха и тревоги. Ходила искать Леню, но никто ничего не говорил. Иду, а ноги подкашиваются. Протягиваю в окно, а мне в ответ: “По статье враг народ” – так и тянула эту ляжку». Она все время корит себя, что отпустила мужа по вызову обратно на Дальний Восток, но потом как

Ксения Пышкина.
1920-е годы

бы осознает, что вряд ли его что-то могло спасти: «<...> если бы его не вызвали во Владивосток, возможно, он остался бы жив. Но вряд ли. Ведь к началу войны в Красной Армии весь комсостав почти был уничтожен. Остались командиры лишь с семилетним образованием. Да, это было очень страшно!» Или, говоря о своей внешности, признается: «Меня потом очень состарила гибель мужа. Если бы не это горе, я бы долго оставалась молодой».

Конечно, можно заподозрить, что потеря обостряет в памяти все хорошее, затеняя мрачное. Но о многом говорит следующая запись, свидетельствующая об общности интересов и доверительности отношений: «Всякий раз, когда он ездил в командировку, то всегда привозил что-либо удивительное. Другие мужья везут туфли, платья, всякую дребедень. Но это неинтересно мне было. Я все имела и этим не дорожила. Леня же везет то дикого кота (камышовый дикий котенок, но жил у нас недолго, т.к. Ростя (брат Ксении Павловны.– М.М.) напоил его цельным молоком, и он сдох от заворота кишок), то дикого кабанчика, полосатого маленького поросенка, чудно прижился, бегал по квартире, прыгал на диван, кресло, лез на руки. Но Леня о нем рассказал Кирову, и Сергей Миронович так им заинтересовался, что Леня его ему подарил. То привезет джейрана, то турача (дикая азербайджанская курочка, оперение черное с желтым, все мясо белое–белое, но теперь их всех перевели), то какую-либо чудную вещицу. Так, однажды привез иглу дикобраза. Как это все было прекрасно! И цветов привозил горы! Во Владивостоке азалии желтые, пунцовые, кусок пробкового дуба, ветку дикого винограда. И всегда если не вместе едем, то он, что ни увидит интересное, рвется привезти мне. И получается, что вместе переживаем радость нового и неизведанного. Помню, привез черепаху в Туапсе. Во Владивостоке – морскую звезду, морского конька. А возил меня куда только мог. И я всегда узнавала что-либо новое, изучала явления природы, а на стройках что-либо если не увижу, то услышу.

Так, например, я многое узнала о строительстве, даже нормы мне были интересны. Ведь раньше не было почти техники, все работали очень тяжело, всё делалось вручную. Например, я узнала, что земляные работы все еще ведутся по старинке, что до революции лучшими землекопами были юхновцы – норма их 8 кубических метров, что было в 2 раза больше остальных по всей Руси. А на Печоре лед почти 3 метра, что буровые работы еще ведутся вручную, что вечная мерзлота у нас под ногами на глубине 15–20 см». Прочтя такое, можно себе представить, сколь одиноким чувствовал себя человек, лишившись такого друга и собеседника... Именно лирический план этой части воспоминаний придает им особое своеобразие: они перестают быть только информативными и ценными фактической и исторической составляющей. Однако и нейтральная информация становится многоговорящей. Например, при рассказе об экспедиции, организованной за Полярный круг для исследования районов вечной мерзлоты, мимоходом упоминается, что костяк экспедиции составляли инженеры – «все высланные». Приводятся имена сослуживцев: Маломерков был выслан на 5 лет. Он «в период НЭПа ремонтировал вагонные тележки, имел мастерскую, а потом все отобрали, судили и дали этот срок». Также был сослан и другой инженер – Денисов. «А рабочие были или вольнонаемные, или подкулачники. Их давали из ГПУ, которому платили за каждого 20 руб. в месяц. А что рабочим – не знаю. Что такое подкулачники? Кулак – ясно. Но подкулачник? Не понимаю, как их отбирали... Но в большинстве это были несчастные, обездоленные, порядочные люди».

Вторая часть воспоминаний не обладает хронологической последовательностью. Память пишущего выхватывает из прошлого отдельные эпизоды, лица людей. Поэтому текст распадается на блоки. Из них особенно важными являются пребывание на строительстве Черноморской железной дороги в 1925, в экспедиции за Полярным кругом в Печорском крае в начале 1930-х и на Дальнем Востоке, куда семья отправилась в 1932 г. после Печоры. Также можно выделить эпизоды, касающиеся случайных встреч с выдающимися людьми: Тухачевского бабушка видела покупающим белый рояль в магазине в Столешниковом переулке, Сталина – выходящим из вагона: «Он приехал к себе на дачу. И в Сочи переходил из поезда в поезд. Я очень удивилась, увидев на нем черную накидку, которую носили еще до революции. Лица не видела, он быстро прошел метрах в 8–10 от меня из вагона на одном пути в другой на другом пути. Тогда еще не было ни большого вокзала, ни морского. Ни асфальта. Ни авто». У медика Мирона Соломоновича Вовси (двоюродного брата Соломона Михоэлса) она замечает над столом рисунки артиста МХАТа Бориса Ливанова, в Сухуми проживает в гостинице на одном этаже с Буденным и его женой.

С кем-то судьба сводила на более длительный срок: во время отдыха в Гаграх их навестил известный психиатр и психоаналитик Юрий Владимирович Каннабих, там же у них гостил «профессор Райский, что преподавал Лемешеву, со своей женой, дочерью Зимина, владельца театра (филиал Большого)», с которыми возникла длительная дружба: «...когда мы в 1929 г. приехали в Москву, а они жили в Консерватории (тогда там был кинотеатр “Гигант”), мы, пользуясь их отношением, чуть ли не ежедневно бывали в кино. И никогда мы так часто не бывали в кино, как в период особенной дружбы с Райскими. Но тогда они уже переживали затруднения: почему-то занимали помещение на середине лестницы, где сейчас дамская комната. Однако это было 1–2 комнаты». Очень интересна запись, касающаяся личности Гаджи Касумова, заместителя председателя Высшего Экономического совета АССР и члена Совнаркома (это современные сведения о нем из Интернета; к сожалению, большего установить не удалось), приехавшего в Туапсе с женой, как выяснилось, наркоманкой. Причем для людей, незнакомых с признаками такого рода мании, это открывалось постепенно и в итоге привело в крайнее замешательство. С Сергеем Яковлевичем Багдатьяевым, видным партийным деятелем, играли в шахматы, а с Сергеем Мироновичем Кировым сблизилась во время его пребывания на Кавказе на почве охоты...

В плане встреч с выдающимися людьми особенно интересен и показателен блок, связанный с крупнейшим скульптором-монументалистом Сергеем Дмитриевичем Меркуровым (1881–1952), ближайшим другом моего деда, с которым они вместе учились в реальном училище в Тифлисе, но еще и масоном, и двоюродным братом оккультиста и мистика Георгия Гурджиева. При разговоре об этом человеке поневоле возникает мысль о теории шести рукопожатий, согласно которой любые два человека на Земле разделены не более чем пятью уровнями общих знакомых (и, соответственно, шестью уровнями связей). Но благодаря дружбе Меркурова с моими предками я оказалась в самой непосредственной близости с Л. Толстым, к которому скульптор был приглашен сделать посмертную маску. И тогда же ему в голову пришла идея делать слепки рук вместе с посмертными масками. Маска Л. Толстого считается одной из лучших в его наследии. «Первое, что привлекло мое внимание: полуоткрытый правый глаз и густая, сердито поднятая бровь. Суровое, нахмуренное лицо...» – делился скульптор впечатлениями об умершем писателе. Искусствоведы отмечают, что от созерцания маски Толстого «бросает в трепет. Кажется,

вот-вот откроются эти навеки сомкнутые уста». Ему посвящено немало страниц в воспоминаниях благодаря тому, что он, один из немногих, не побоялся продолжить общение с женой врага народа, на что требовалось немало мужества, ибо есть в воспоминаниях и такие строки: многие не только «отворачивались, но и говорили дерзости. Помню, жена художника Корецкого встретила меня и Таню в дверях метро Площадь Революции да так шарахнулась, что чуть не упала. Я даже поддержала ее. И еще сын проводницы нашего вагона-салона встретил меня с Таней в Туапсе (в 1938?) и наговорил кучу оскорблений. Еще наш шофер Владивостокский Попов на мою телеграмму ответил какой-то гадостью. А вот порученец мужа Нечаев в 42–43 году разыскал нас в Москве, пришел на работу, все рассказал, что знал, а жена его ответила на телеграмму довольно подробно и откровенно. Словом, каждый случившемуся давал свою оценку». То есть надо понимать, что катастрофически таял в эти годы круг друзей, человек подвергался остракизму, с ним переставали общаться, как с зачумленным...

Возвращаясь к Меркурову, надо сказать, что бабушка запечатлевает его поведение и в быту, и в моменты творческого вдохновения, что создает в итоге многомерный характер могучего, яростного во всех проявлениях человека, внешность которого впечатляла: «был высокий, плотный брюнет, крепкого телосложения, огромные ноги (жена говорила, что носит 45 размер) с правильными чертами лица (грек) (на самом деле, греко-армянского происхождения. – *М.М.*), карие глаза. Жена – красавица, Аста Григорьевна: никакой видимой косметики, прекрасно одевалась, изысканно, всегда со вкусом».

Их знакомство состоялось в 1923 г. в Баку. Что запомнилось? «Сергей Дмитриевич был весьма несдержан на язык и в выражениях не стеснялся. Помню, что уже во время Великой Отечественной войны как-то приехала к ним (уже было метро). За столом сидит Дима (внук), а Сергей Дмитриевич ходит огромными шагами по залу. Дима ест борщ, я села, но от еды отказалась. Тогда уже у них около стола обеденного стояла электрическая плита, и на ней грелось что-то. Около огромного стола с двух сторон стояли простые лавки. Это испокон веку было так. Дима молча ест, а Сергей Дмитриевич кричит: “Ах ты, г...о собачье, я тебе покажу – участковый. Да, знаешь ли ты, что такое участковый? Да как ты смеешь, г...о ты собачье, даже думать об этом? Я тебе покажу – участковый тоже нашелся...” Оказывается, пришел их участковый и предложил Диме (ему было лет 17–18) пойти в милицию работать участковым. Это буквально взорвало Меркурова. Но Дима сидел молча и сосредоточенно, с аппетитом ел. И вся эта ругань и крики как бы не касались его, и никто в комнате как бы ничего не замечал. Я одна была в ужасе...» Надо заметить, что такое презрительное отношение к органам проявлял скульптор, сделавший и посмертную маску Ленина и создавший самые большие скульптуры Ленина и Сталина в мире! «Еще в Баку я заметила, что Сергей Дмитриевич весьма вольно обращается со словами. Как-то проходили мы по Парапету (садик в центре Баку), и около киоска с водой мы приостановились, чтобы выпить воды – «нарзан» или «боржом». Но продавец, у которого были лишь Эссендуки № 4 вдруг сказал: «Пейте Эссендуки № 4, женский половой аппарат очень помогает». Эта фраза привела Сергея Дмитриевича просто в дикий восторг, он переспросил его и, услышав еще раз, несколько раз повторил фразу. И потом всякий раз, как только встречался с нами, без конца ее варьировал».

В Баку он приехал «выбирать место для скульптуры “Двадцати шести бакинским комиссарам” (монументальная композиция, снесенная в 1990-е гг. – *М.М.*).

Мы все вместе ходили выбирать место для этого памятника. Пришли на Петровскую площадь. Меркуров все ходил в конце площади и примерялся ко всем концам, видимо, представляя ту картину, которая рождалась в его воображении». «<...> Он при встрече со мной весьма охотно вел в свою мастерскую и очень подробно рассказывал о своей работе. Я теперь вспоминаю, что очень интересовалась его работами и считала его очень талантливым и интересным человеком. Когда он учился в реальном, то Леня мне рассказывал, что Сережа ему делал рисунки в альбом, а Леня ему решал задачи». Творил он в большом деревянном двухэтажном срубе, подаренном ему Лениным, где внизу помещались «метров 50 столовая-гостиная, спальня, кабинет, огромная комната с масками: Маяковского, Клары Цеткин, Горького и др.». « Много было у него надгробий. И вообще после него я не встречала в жизни ни одного столь образованного скульптора, я бы сказала, масштабного. Он был учеником Родена. У него была чудесная библиотека, редкие книги, он сам прекрасно писал. Помню, как-то, будучи в ударе, он мне и Лене читал свои рассказы. Тут были и автобиографические, разные по форме, и рассказы лирические, написанные с огромным чувством и фантазией. Был трогательный рассказ об отце, об Алагезе (гора в Армении).

Теперь я вспоминаю мои с ним отношения и удивляюсь тому, как много он мне всегда рассказывал о своей работе, показывал работы, делился планами. А работы показывал в период, когда они еще не были завершены. Например, Икар – надгробие, где урна и две руки, маска Горького, только что снятая. Меня тогда удивило, что в гипсе застряло огромное количество волос из усов. Наверное, его умиляло мое отношение к его работе. Я всегда откровенно говорила о ней, и он всегда дарил мне снимки со своих скульптур».

Благодаря Меркурову состоялись знакомства с интереснейшими людьми: пианисткой Розой Тамаркиной и балериной Мариной Семеновой, которые были гражданскими женами сына Меркурова Георгия. Об игре Тамаркиной бабушка всегда вспоминала с восхищением, хотя упоминала, что «рояль у них был неважный». Между делом дается и характеристика членов семьи – жены Асты Григорьевны, сына Георгия. «Семья весьма оригинальная, всегда много народа. Каждого, кто приходил, сначала за стол – кормить. В 1933 держали коров и имели чудный сад: малину подавали целыми огромными блюдами, со сливками».

Более-менее подробно удалось восстановить события на Дальнем Востоке. Здесь особенно примечательны зарисовки китайско-корейского быта, которые воспринимаются невероятно экзотично. Не менее поразительно выглядит и описание быта старообрядцев на Севере России, в районе Печоры, в селе Оксино. Подробно перечислена утварь, хозяйство, вид построек, обычаи, то, чем питались (прокишшая рыба, отсутствие отхожих мест, сырые почки и горячая кровь убитых оленей). Подробно зафиксированы сборы экспедиции для исследования района вечной мерзлоты (покупка ружей фирмы Льеж, предназначавшийся запас продуктов, приобретение полушубков). Важно и описание природного (теперь уже безвозвратно утраченного) ландшафта Черноморского побережья, красот сочинских парков и вилл. Точно воспроизведен распорядок дней, привычки, особенности времяпрепровождения среднестатистической интеллигентной семьи. Так, в праздник Октября на балконе в селе Оксино вывесили большую красную звезду и устроили иллюминацию, произошло знакомство с телевидением: «Экран размером с открытку. Изображение блеклое. Но он смотрел ежедневно. Показывал какую-то танцующую женщину в довольно длинном платье, не очень подвижный

танец (это я помню отлично, и она не была балериной). Во всяком случае, сам факт телепередачи был потрясающим, а вот изображение не произвело на меня такого впечатления...»

В 1920-е гг. еще изредка воспроизводились бытовые ритуалы прежнего времени. Так, свадьбу бабушкиного брата в 1924 г. «устроили как до революции: Ксения в белом платье, фата, флер д'оранж, золотой в тувельку, шафера и пр.». И еще было итальянское шампанское (дрянь, как выразилась автор воспоминаний). Надо сказать, что, как свойственно женщине, бабушка запомнила и фасоны платьев, и цветовую гамму одежды («у меня была каракулевая шубка на белке и соболий палантин из 24 шкур. Но платье я имела всегда лишь одно»; после Печоры «я очень хорошо оделась: белая шерстяная юбка, блузка с кружевами филе, красный суконный жакет на белой шелковой подкладке, венецианские бусы, берет белый из Торгсина (следовательно, западный) и хорошие туфли – кремовые, испанские чулки шелковые. Лучше не придумать» и т. п.). Но точность в воспроизведении одежды продиктована не только «женским», но и обстоятельствами: так, вспоминая о покупке в Торгсине синего кожаного пальто, она добавляет: «В войну оно меня с пледом спасло. Носила на работу в библиотеку». Вообще отношение к вещам во многом определялось скудостью существования. Поэтому помнили буквально каждую вещь – и сколько стоило. И как выглядела. Показательна следующая запись: «Наш сервант оказался неудачным, с червячком, и мы его вернули и взяли другой, за 800 руб., чудный, мореного дуба, с зеркалом, и большой трехстворчатый шкаф с хрустальными стеклами. Но все это потом пошло за гроши» (имеется в виду ситуация 1930-х гг., когда приходилось «заметать следы»).

Значительная часть времени в семье отводилась чтению. Вот характерное признание: «Мы в Туапсе много читали. Была там жена инженера, и ей кто-то из Ленинграда присылал книги для прочтения и брали по 10–20 коп. за книгу. Точно не помню. Но книги все были новинки. По большей части переводные. Словом, в полном смысле слова – сливки! Я наслаждалась». Книги играли столь значительную роль, что судьбоносные, можно сказать, решения принимались под их воздействием: «Сколько книг прочитала! Джек Лондон! Все это и жизнь мою по-другому направило. Всегда мы любили рассматривать карты, особенно часто у нас на стол клали огромную карту с железными дорогами. И масштаб был удобный. И мы с Леной буквально разглядывали сантиметр за сантиметром и все выбирали, куда нам поехать. Никогда не цеплялись за Москву, тянуло попутешествовать... После Баку поехали на Черноморское побережье, потом в Москву, где не получили квартиру, но, промучившись год у одной противной бабы, жили в доме со всеми кремлевскими профессорами, а потом, пересмотрев все на карте, перечитав Лондона, – двинулись на Печору». Она уточняет еще раз: «<...> особенно повлиял Джек Лондон, <...> я купила полное собрание его сочинений, тогда еще не все вышло, и его биография была неполной. Но все рассказы мы уже перечитали по несколько раз». Думается, что эти слова хорошо передают романтическую настроенность людей 1930-х гг., которых мог позвать в дальнюю дорогу Джек Лондон. Но романтика имела и научную подоплеку: «Север вошел в нашу жизнь задолго до поездки. Много читали о Чукотке, помню – была очень интересная книга Лебедева о чукчах. Когда в 1928 г. Багдатов, а еще и проф. Отто Юльевич Шмидт Лене рассказывали о Севере, то мы уже были заражены и северным сиянием, и морозами, и оленями». А перед поездкой внимательно была изучена и история Печоры от новгородца XI века Гюрата Роговича до возникновения в на-

чале XIX столетия населенных пунктов Шельягор и др.» (хочу заметить, что всю историю бабушка излагает по памяти, без подручных средств и, конечно же, без компьютера в 80 лет! – М.М.).

Сохранившееся документальное свидетельство из семейного архива говорит о необычайно насыщенной жизни автора. Многие, как уже говорилось вначале, окрашены в трагические тона. И все же не могу не привести один отрывок, пронизанный ощущением счастья. «Самый счастливый период моей жизни – это когда мы жили на 4-й Мещанской», – ответил на вопрос о счастливых годах ее муж. «Вот такого ответа я никак не могла предположить», – последовал ее комментарий. Но далее идет размышление, в котором и заключается скромный набор «компонентов» счастья: «Два окна выходили прямо на Сухаревскую башню, где располагался кинотеатр “Форум”. Тогда рядом с кино был рынок. Там мы прожили где-то полгода, и Леня не работал. <...>, не нуждались, много читали, много гуляли, ходили в кино, словом, ничего не довлело, и перспективы были интересные. Была свободная жизнь. Никаких омрачающих ситуаций, никто не звонил, не вызывал, жили по своему семейному расписанию. Свобода была во всем, всегда вместе, всей семьей. И ничто не волновало. Только полет дирижабля “Италия” и возмущение гибелью Нобиля, Мальгрема, а также следили за полетами наших – Чухновского и др.»

Как видим, окрашенные эмоционально, страницы написанных уже старой женщиной воспоминаний доказывают неоспоримую ценность личных свидетельств, формирующих подлинную картину большой истории, складывающуюся из малых ручейков подлинных фактов.

Сведения об авторе:

Мария Викторовна Михайлова,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria V. Mikhailova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

mary1701@mail.ru